

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

Кензабуро Оэ:

СЫН СПАС МНЕ ЖИЗНЬ

Когда нобелевскому лауреату, известному писателю Кензабуро Оэ было двадцать с небольшим, он постоянно думал о самоубийстве. Хотя он уже был известным автором, имел красивую молодую жену, Оэ чувствовал, что его жизнь бесцельна, а произведения лишены яркости, смысла и стилистически невыразительны.

В те безотрадные послевоенные годы Япония пыталась как-то смириться с катастрофическим поражением, и тревоги Оэ, казалось, отражали нравственное и социальное беспокойство общества. Определенно, что настроения в среде признанных писателей страны были убийственно мрачными, и некоторые из них все-таки покончили жизнь самоубийством. Эти настроения были вызваны ностальгией по утраченному прошлому, в котором император был воплощением божественного.

Он считает, что его спасло рождение сына в 1963 году. Хикари появился на свет с мозговой травмой - несросшимися костями черепа. «После рождения сына я не знал, что делать, - говорит Оэ, - каждый день я приходил в больницу, ожидая слов врачей о том, что после борьбы за жизнь он умер. Я смотрел на сына и был в полной растерянности. Я потерял свое я».

Оэ сказали, что сына может спасти операция, но есть опасность, что он станет полным инвалидом. Боясь взять на себя ответственность за решение, Оэ сбежал в Хиросиму, где встретился с молодым врачом, лечившим пострадавших от ядерного взрыва. Это был решающий момент в его жизни.

Россе. Вестн. - 1995. - 2 июня. - с. 7.

ни: «Я понял, что должен взять на себя ответственность и помочь моему сыну выжить».

Операция прошла успешно, и Хикари сейчас живет со своими родителями в Токио. Он редко разговаривает и страдает от припадков, но, несмотря на это, стал талантливым композитором, чьи первые произведения завоевали ряд призов. Отношения с сыном Оэ описал в романе «Личное дело», герой которого, молодой учитель, мечтает об убийстве своего больного сына-младенца: «Есть только два честных пути бегства от этого ребенка-монстра: задушить его собственными руками или принять ответственность за его воспитание». В книге, как и в жизни, был избран второй путь.

Его работы, хотя и не имеющие ярко выраженной политической направленности, мрачны и написаны в эллиптическом аскетическом стиле. Изучавший с огромным энтузиазмом европейскую литературу, Оэ избегает традиционной прозрачной ясности японской прозы, предпочитая экспериментировать с длинными предложениями. Его романы непохожи на книги японских писателей.

В ответ на вопрос о роли писателя в современной Японии он подавленно вздыхает. Молодежь, считает он, не интересуется ни литературой, ни политикой, их жизнь показушно пуста. Поэтому он не хочет больше писать художественные произведения, пока не создаст новый стиль, новую форму - «амальгаму романа, поэмы и пьесы», - которая также была бы доступна детям. «Необходимо завладеть ими, пока они молоды, если вы хотите создать новое поколение читателей».

«Таймс», Лондон.